

Валерий Ковалев

СОДЕРЖИТ

НЕЦЕНЗУРНУЮ

БРАНЬ

18+

САУР-МОГИЛА

Валерий Ковалев
Саур-Могила. Повесть

«ЛитРес: Самиздат»

2015

Ковалев В. Н.

Саур-Могила. Повесть / В. Н. Ковалев — «ЛитРес: Самиздат», 2015

Бывший морской пехотинец Александр Шубин возвращается на родину в Донбасс и продолжает службу в спецподразделении «Беркут», где принимает участие в ряде операций по борьбе с оргпреступностью. Затем переводится в Киев и после «цветной революции» уезжает в Луганск, вступив там в народное ополчение. Вновь становится командиром группы, воюет против бандеровцев и наемников из Европы. Повесть основана на документальных материалах и воспоминаниях участников. Содержит нецензурную брань.

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.

33

Валерий Ковалев

Саур-Мои́ла. Повесть

**«Блажен, кто мир сей посетил,
В его минуты роковые...»
Ф. Тютчев**

Предисловие

Солнце ещё не взошло, но уже были различимы все курганы и далекая, похожая на облако, Саур-Мои́ла с покрытой легким туманом вершиной.

Если подняться на нее, то оттуда видна равнина, такая же волнующая и безграничная, как небо, посматриваются далекие города, поселки и хутора, а за ними, синее у кромки горизонта море.

Только здесь понятно, как много видела и знала древняя Мои́ла на своем веку, осязая собою время и пространство.

Она зрела племена скифов и сармат, сходящихся в ковыльных степях в жарких, братоубийственных сечах, греческие когорты и железные римские легионы, пытавшиеся объять необъятное, тьмы и тумены так и не дошедших до «последнего моря» грозных монголов.

Слышала она пальбу запорожских мушкетов и вой ядер турецких пушек, звон шашек красной и белой конницы, рев танковых моторов группы армий «Центр» и праздничный салют Великой Победы, а потом все надолго стихло.

Каждую весну зеленый простор у подножия Мои́лы алел россыпями полевых маков, летом по нему гуляли серебряные волны ковыля, а осенью и зимой пел песни летящий вдаль ветер.

И над всем этим, в мирном небе, величаво парил беркут.

Сильная и гордая степная птица. Превыше всего ценящая свободу.

Часть 1. На рубеже веков

Глава 1. Дорога к дому

«Прощай, не горюй,
Напрасно слез не лей,
Лишь крепче поцелуй!
Когда сойдем мы с кораблей!...»

бодро орали магнитофоны в разных местах перрона, где шла посадка на скорый Мурманск – Москва, в омытые майским дождем, блестящие вагоны.

На Кольском шла демобилизация военных, отслуживших свой срок, и в их числе моряков Северного флота.

Их черные группы в бескозырках с муаровыми лентами, щегольских бушлатах и широченных клешах виднелись тут и там, солидно ступая на подножки тамбуров.

В одной из таких, с золотистыми якорьками «штатов»* на рукавах, радостно скалил белые зубы и юморил с проверявшей билеты молодой проводницей, смуглый сержант, с гитарой на плече и небольшим чемоданом.

– Приходи к нам в гости, – подмигивал карим глазом. – Спую тебе песню про любовь.
– Да поднимайся уже, черт! – шутливо огрызалась та. – Обязательно приду, с веником, если начнете куролесить.

– Все будет тип-топ! – рассмеялся кто-то из моряков, и вся компания, исчезнув в проеме двери, бодро зацокала подковками по крашеному металлу пола.

Сержанта звали Сашка Шубин, родом он был из Донбасса и имел сербские корни.

Остальные пять сослуживцев были кто – откуда, необъятных просторов Советского Союза.

Все отлично владели стрелковым и прочими видами оружия, знали вождение, топографию и рукопашный бой, могли десантироваться с воздуха и воды в любую точку мира.

В прохладных, пахнущих дальней дорогой купе плацкартного вагона, уже шумно располагались другие группы демобилизованных.

Каких тут родов войск, кроме моряков не было!

Ракетчики с аксельбантами на груди, пограничники в зеленых фуражках (один с собакой), танкисты, авиаторы, мотопехотинцы и стройбатовцы.

Морпехи расположились в своем купе, сняв бушлаты, поместили всю хурду* на багажные полки и огляделись.

– М-да, – сказал рыжий старший матрос с жетоном «За дальний поход» на форменке. – Не вагон, а Ноев ковчег. На что многие рассмеялись.

Соседями впереди была десантура, а сзади пограничники со своим «мухтаром», у которого на шее висела медаль, не иначе за службу.

Перед самым отправлением по вагону прошел патруль, старший которого – майор, громко объявил, в Петрозаводске будет второй, для профилактики пьянства и мордобоя

– Кто подорвет престиж Вооруженных Сил, – сказал он, обозрев «дембельский» вагон, – тот будет снят с поезда и помещен на гарнизонную гауптвахту!

– Гафф! – басовито поддержал его, завивая хвостом, серый друг пограничников.

Ну, тогда счастливого вам пути, – качнул фуражкой начальник патруля, и он последовал дальше.

Спустя короткое время, от головы состава донесся протяжный гудок, по нему пронесся лязг сцепок, и перрон плавно покатил назад.

– Наконец-то, – оживились дембеля. – Давай, машинист, наяривай!

Потом за окнами поплыли окраины столицы Заполярья, поезд сделал объемную дугу, открылась ширь Кольского залива.

Во многих купе моряки с солдатами опустили окна и, высунувшись наружу, замахали бескозырками, берегами и фуражками.

– Прощай Флот! Прощай Армия!

В лица бил ветер. Соленый, морской. И почему-то влажный.

– Ну что, братишки? – вернул окно в исходное коренастый морпех. – Надо отметить такое дело!

– А то! – ответили сразу несколько голосов, и стал накрываться «военно-морской стол». В других купе происходило то же самое.

Многие ребята прибыли на вокзал из дальних гарнизонов полуострова и, как говорят, были с утра «не жрамши».

Вскоре в вагоне запахло армейской тушенкой, копченой рыбой и колбасой, выданными на дорогу.

Имелось в каждой группе и горячительное. Прихваченный с собой в плоских фляжках спирт – ректификат, а еще купленная во время ожидания в городе, продукция ликеро – водочных заводов.

Спустя час, под веселый стук колес, настроение поднялось еще выше, в разных концах вагона грохал веселый смех – началось единение родов войск и многие группы перемешались.

Двое морпехов оказались у соседей – десантников, с теми их единило небо, а два пограничника с братом меньшим (того звали Джек и был он с теленка), прихватив с собой бутылку «Агдама», переместились на их место.

– Тебя че, наградили им? – угостив овчарку бутербродом с паштетом, спросил Сашка у рябого ефрейтора.

– Не, – принял тот наполненный стакан. – Мы вместе призывались. Это мой напарник.

– Значит он, как и мы «дембель»?! – восхитились моряки.

– Р-р-р, – наморщил нос Джек, а ефрейтор рявкнул «за боевое содружество!», после чего все сдвинули стаканы.

К этому времени Марина – так звали проводницу, шустро разносила чай. Ей помогали два военных добротота – авиатор с танкистом.

Девушку наперебой просили «на минутку присесть» во всех без исключения купе, подводники угощали шоколадом, но та отказывалась, говоря «потом-потом, мальчики».

Получили от ворот поворот и морпехи.

Когда Марина и один из ее подсобных брякнули на их столик шесть подстаканников с горячим чаем, Сашка, как и обещал, пригласил девушку на песню.

– Соглашайся, сестренка! – поддержали его друзья. – Он, черт, хорошо поет, даже африканкам нравилось!

– Приходи вечером в служебное купе, – улыбнулась девушка. – Споешь, а заодно расскажешь про африканок.

– Да, повезло тебе брат, – пялясь вместе с другими на удаляющиеся стройные ножки, шмыгнул носом старший брат Джека.

– Ну, дак! – тряхнул вороным чубом Сашка, потянув сверху гитару

«Кольский полуостров, торчит из-под воды,

Корявые березки цепляются за сопки!

Гитара надрывается, звеня на все лады,

Что Кольский полуостров не для робких..!*

полетела по вагону лихая песня.

Она будоражила, брала за душу и выжимала слезы гордости.

Домой, на родину, возвращались не вчерашние пацаны, а отслужившие по два три года, крепкие и уверенные в себя мужчины.

Во втором часу ночи, когда сморенные первыми впечатлениями от «гражданки», уснули самые стойкие, Сашка прихватил гитару, сунул в рукав форменки бутылку портвейну и тенью заскользил к служебному купе.

– Тук-тук-тук – постучал костяшками пальцев в наглухо задвинутую дверь с табличкой. – Мариша?

– Открыто, – глухо ответили изнутри, – после чего он откатил ее в сторону.

В приглушенном свете, на диване сидела бабуля типа «божий одуванчик» и чего-то вязала, приспустив на нос очки.

– А где Маринка? – выпучил глаза Сашка.

– Я за нее. Чего, сынок, надо?

– Да так, ничего, – вздохнул гость, накатил дверь обратно и почапал назад не солоно хлебавши.

На вторые сутки вагоны с военными стали редеть, а на их места садились гражданские.

В Москве, на Ленинградском вокзале, Сашка распрощался с последними из своей «шестерки», после чего направился к метро, рядом с которым прохаживался наряд милиции

У старшего поинтересовался, как добраться до аэровокзала, вслед за чем спустился эскалатором под землю.

Метро впечатляло красотой, массажи народа и небывалым ритмом жизни.

Стиснутый со всех сторон, чуть обалдевший Сашка, вышел на станции «Аэропорт», откуда троллейбусом добрался до аэровокзала.

Там взял билет на ближайший рейс Москва – Луганск и перекусил в кафе бутербродом с колбасой, запивая кофе.

А поскольку времени до отлета у него было «воз и маленькая тележка», решил прошвырнуться по столице.

В ней он никогда не был, хотелось взглянуть на Кремль с Красной площадью, а если повезет, то и побывать в мавзолее.

Сдав чемодан с гитарой и бушлат в камеру хранения, морпех вскоре покинул аэровокзал и снова воспользовался услугами метро, домчавшего его до станции «Площадь революции».

Там, восхищенно обозрев шедевр инженерии и искусства, Сашка обнаружил у одного из пилонов, увековеченного в бронзе матроса, чему весьма обрадовался.

– Здорово, браток! – остановился рядом. А затем пощупал отполированный многими руками ствол его нагана.

Далее, определившись с выходом, гость столицы вознесся наверх и через десять минут, с трепетным чувством (сказались политзанятия), ступил на гранит брусчатки Главной площади Страны Советов.

Она оказалась меньше чем в документальных лентах, которые видел, но все остальное впечатляло.

Зубчатые стены древнего Кремля, мавзолеей с застывшими у входа часовыми и уходящие в небо, увенчанные рубиновыми звездами, Спасская и Никольская башни.

Народу на площади было немного – школьники да несколько групп туристов, а вот к мавзолее тянулась очередь.

– М-да, – подойдя ближе, – нахмурился Сашка. – Хрен попадешь к «дедушке». Тут рыл двести будет.

В это время его кто-то тронул сзади за локоть.

Обернувшись, увидел стоящего рядом мужчину средних лет, в сером костюме с галстуком, который с интересом его оглядел и довольно хмыкнул.

– Понравился? – спросил Сашка с иронией.

– Еще бы. Я когда-то служил в ВДВ, богато у тебя прыжков сержант, – кивнул тот на форменку где в числе других, красовался жетон «Парашютист» с цифрой «15» на подвеске.

– Ясно, – понял его интерес морпех – У нас в десантно-штурмовом, у ребят было и побольше.

– В отпуск или запас?

– На дембель. Еду через Москву, хотел посетить мавзолеей, да видно не судьба. Народу много.

– Это не беда, – чуть улыбнулся незнакомец. – Щас решим. И сделал знак прохаживающемуся вдоль очереди милиционеру капитану.

– Слушаю, товарищ майор, – подойдя, тихо сказал тот. И покосился на Шубина, – нарушает?

– Наоборот, отдав стране воинский долг, возвращается домой и желает видеть Ильича. Проводи в начало очереди.

– Есть, – ответил капитан. И Сашке – «пройдемте».

– Спасибо, товарищ майор, – поблагодарил тот незнакомца, после чего оба пошагали вперед. К революционной святыне.

«Интересный дядька» – промелькнуло в голове Шубина.

Между тем они подошли к началу очереди.

Прошу задержаться, – протянул руку капитан перед третьей от входа тройкой. А потом Шубину, «пожалуйста».

Сашка монолитно стал впереди, – подумав про себя «вот это тпруха»* и сделал приличествующее месту лицо, выражающее скорбь и отрешенность.

Через несколько минут, в числе других, он ступил под гранитный свод, где в небольшом фойе стояли еще два милицейских стража и один гражданский, шарящие по процессии глазами.

Лежащий в стеклянном, освещенном приглушенном светом гробу, вождь мирового пролетариата был похож на восковую куклу.

– В кино он совсем не такой, – мелькнула в голове мысль. Но Сашка ее тут же отогнал. Впечатляясь.

Миновав постамент с выставленным на обозрение телом, он вышел вслед за хлопаящей носом теткой на свежий воздух и проследовал вдоль кремлевской стены, с многочисленными на ней табличками.

Затем Сашка выяснил, где находится Старый Арбат, доехал туда и послушал песни бардов.

Когда же на столицу опустился вечер, автобус-экспресс помчал его по проспектам и площадям в аэропорт «Внуково».

Там, морпех прогулялся по громадным залам, в бодром шуме прибывающих и улетающих граждан, полюбовался электронной россыпью многочисленных рейсов на громадном табло, а также многочисленными красивыми девицами.

В связи с задержкой рейса, посадку объявили в три ночи, сонные пассажиры погрузились в «Лиаз» и стоя доехали до трапа самолета.

Спустя минут пятнадцать, вырулив на бетонку, «Ту -154» взлетел, размеренно загудели турбины.

– Так – то лучше, – бормотнул сержант, посасывая взлетную карамельку.

Проснулся он от похлопывания по плечу и нежного девичьего, «морячек, просыпайся».

Салон был пуст, в него вливалась утренняя прохлада, рядом стояла бортпроводница.

– Подъем! – открыл глаза Сашка, после чего вскочил, чмокнул девушку в щечку (та расмеялась) и, шмякнув на голову бескозырку, направился по ковру в сторону открытого люка.

Спустившись вниз по трапу, моряк ступил на землю и, разведя руки в стороны заорал, «Здравствуй Донбасс! Я вернулся!».

Глава 2. Это было под Ровно

– Вставай хлопче, – послышалось сквозь сон, и Васыль перевернулся набок.

Рядом стоял дед Андрий, и, поглаживая вислые усы, смотрел на внука выцветшими глазами.

– Сниданок на столи. Одягайся.

Васыль Деркач – студент исторического факультета Львовского университета, приехал к деду в Ровно на каникулы, и они собирались съездить в лес за грибами.

Чуть позже со двора крытой железом добротной хаты с яблоневым садом вокруг и обширным, в пятнадцать соток огородом, тихо поуркивая мотором выкатился «Днепр» и порулил вдоль улицы.

За рулем, в брезентовом плаще сидел дед, а в люльке Васыль в свитере, сонно зевая.

Старшему Деркачу было за шестьдесят, но он был еще крепок и ворочал за двоих, внуку в три раза меньше.

Родители Васыля давно жили в старом добром Львове, относя себя к местной интеллигенции (отец имел зубоврачебную практику, а мать работала в торговле). Дед же, схоронив бабку, к ним переезжать отказывался и жил сам, там, где родился.

Через год после присоединения Западной Украины к СССР, тогда еще молодой парубок, он был призван в армию, однако с началом войны дезертировал, вернулся в родные края и, вступив в УПА*, предложил немцам свои услуги.

До 44-го, в ее составе грабил и угонял в Германию местное население, принимал участие в карательных операциях.

Когда же его хозяев погнали до Берлина, ушел с недобитыми бандеровцами в лес, откуда делал налеты на «комуняк», и при одном таком попал в засаду НКВД.

Почти всю банду чекисты пошинковали на капусту, а оставшиеся в живых Андрий и еще несколько, получили по двадцать лет колымских лагерей, откуда вышли в 1953-м по амнистии.

Устроившись грузчиком на мукомольный завод, Деркач впрягся в хозяйство.

Для начала чуть подправил старую батькову (та почти завалилась), а потом стал выращивать на продажу кабанов, откармливая их высеvkами*, которые по ночам таскал с работы.

Вскоре Андрий женился на разбитной вдове с села Грушки, и та стала «курить» самогон, обзаведясь многочисленной клиентурой.

Через два года на месте убогой мазанки супруги возвели каменный дом с мурованным подвалом, заложили сад и расширили огород, дающий для базара всяческий овощ.

Когда же в колыске* запищал наследник, Андрий окрестил его в костеле и дал там слово вывести в люди, что с успехом и проделал.

Вслед за получением хлопцем аттестата, за «хабаря»* пристроил его в медицинский институт, окончив который, молодой Деркач стал врачом – стоматологом. Гроши получал не абы какие, но имел солидный приработок, ставя нужным людям коронки и мосты из драгметалла. Два золотых дуката* для почину, подарил ему батько. Он же помог с деньгами на кооперативную квартиру в областном центре, где наследник нашел достойную подругу жизни.

Теперь вот вырос внук, который трепетно любил дедуся.

После его рождения, устраивая свою городскую жизнь, сын с невесткой часто определяли Васылька до батькив у Ровно, где бабка Мирослава рассказывала хлопчику сказки про ведьм и вурдалаков, а дед о героях Украины – Мазепе, Кармелюке и Олексе Довбуше*.

От него маленький Васылька впервые услышал, слово «москалей» с которыми и бились эти самые герои.

Затем внук подросток, стал ходить в школу и приезжать к старикам на каникулы где дед Андрий продолжил свое воспитание.

Как следствие, ко времени поступления в университет, Васыль люто ненавидел «москалей», знал, что они упекли деда в Сибирь как когда-то Кармелюка и считал его для себя примером.

В стенах же родной «альма – матер»*, посеянное в душе внука старым бандеровцем, получило благодатную почву.

Носящий имя Ивана Франко, старейший университет Украины, к тому времени имел ряд достойных выпускников.

В их числе были Андрей Бандера – ярый националист и отец идеолога украинского фашизма, Евгений Коновалец – создатель ОУН-УПА*¹ и много других, не столь известных, ставших впоследствии антисоветчиками, диссидентами или сбежавших на Запад.

---

¹ ОУН-УПА экстремистские организации, запрещенные в РФ

Так что дедовские «лекции» подкрепились у Васыля научными, а еще участием в националистической организации «Рух», официально созданной к тому времени в республике.

Когда внук рассказал деду о своем членстве в организации и этой самой цели, Деркач перекрестился на икону и, сказав «прийшов наш час!», пожелал научить его практике.

А для того поведал свое героическое прошлое, от которого у будущего журналиста захватило дух. Так было интересно.

Васыль узнал о боевых группах УПА, формах и методах их деятельности, способах тайной связи и работы с населением, а также ряде операций.

И вот теперь, на очередных каникулах, внук вместе с дедом ехал учиться владеть оружием, которое у «Сыча» было припрятано в старом схроне.

Оставив позади Ровно, мотоцикл выехал на дорогу к Дубровице и прибавил скорость.

На полпути он свернул в обширный, теряющийся за горизонтом лесной массив, на отдельных холмах которого виднелись руины старых, времен княжества Литовского* замков, съехал в долину, по дну которой прыгала по камням неширокая речка, и покатил вдоль берега.

– Ось тут и станэмо, – подрулили старый Деркач к группе раскидистых берез у глинистой осыпи, после чего заглушил двигатель.

В ушах возник шум воды и стук дятла в глубине леса.

– Красивые тут места! – сойдя на траву, оглядел ландшафт внук. – Былинные.

– Эгэ ж, – ответил дед, извлекая из багажника вещмешок. – Колысь усэ цэ (обвел вокруг рукою) налэжало пану Потоцькому.

– Великий был князь, – с чувством изрек Васыль. – Не раз дрался с москвитами.

– А тэпэр наш черед, – передал внуку рюкзак дед. – Ходимо зи мною.

Спустя час, идя по известным лишь старшему Деркачу приметам, оба оказались на поросшей соснами возвышенности, с остатками крепостной стены и полуразрушенной башней.

Чуть пригнувшись, старик вошел в затянутый диким хмелем пролом, где включил фонарик.

Луч света выхватил из мрака груды битых камней, а за ней мрачный ход каземата.

Осторожно ступая, оба спустились по остаткам ступеней вниз, и Андрий ткнул пальцем в один из его углов, – копай Васылку.

– Понял, – извлек внук из рюкзака складную лопатку, прошел туда, присел и отгреб из-под ног слой песка, под которым оказалась потемневшая от времени дубовая ляда.

Схватившись за ржавое кольцо, он потянул вверх – открылся темный зев, откуда потянуло затхлостью. Оба поочередно исчезли в нем, а потом дед, пошарив у лестницы, зажег спичкой стоящую рядом плошку.

Тусклый огонек выхватил из тьмы подобие склада.

У одной из боковых стен зеленели несколько плоских ящиков, у другой стояли две железных бочки проштампованных имперскими орлами, рядом – почти сгнившие мешки с россыпью толовых шашек.

В торце высился деревянный стеллаж, с многочисленными жестяными коробками.

– Цэ у нас був пункт боепитания, – глухо сказал дед, распахивая крышку одного из ящиков.

Там, в ячейках, матово отсвечивали винтовки.

– Останний раз я тут був у прошлому годи, – взял одну в руки дед, ловко передернув затвор. – Уси готови до бою.

– И сколько тут? – опасливо приняв от него оружие внук.

– Сорок. – На стэлажи цинки з патронами.

– А в мешках что? Мыло? – положил Васыль на место винтовку.

– Кхе-кхе-кхе, – хрипло рассмеялся ветеран подполья. – То выбухивка*, хлопчэ. А у бочках, газолин, то-есть горючее.

Затем старый Деркач прошел к неприметной нише, достав оттуда промасленный сверток. Развернул – в нем лежал пистолет с двумя запасными обоймами.

Парабел, – продемонстрировал Васылю. – Гэрманський. Спочатку навчу тэбэ стріляць з нього, а потім з гвинтівки.

– А тут есть где?

– Нэ тут, – запихав в карман пистолет с обоймами дед. – Для цього у мэнэ є місцэ.

После этого, закрыв ящик и погасив плошку, они поднялись наверх, опустив, замаскировали люк и вышли на дневной свет.

– А зараз пидэмо он туды, – указал дед рукою в сторону едва доносившегося шума.

Пройдя меж красноватых стволов сосен, пара направилась через кусты шиповника в сторону реки.

Там, за ближайшим поворотом, с высокого отрога, в нее скакал бурный поток, нарушая тишину и искрясь радугой.

– Ось тут! – прокричал на ухо внуку дед. – Давай отойдэмо у сторону!

Стороной оказался заросший ельником буерак, упирающийся в рыжую стену из глея*.

Деркач снял плащ, вынул из кармана пистолет и попросил Васыля установить под стеной куски раскрошившегося пласта, вместо целей.

– Готово! – рысцой вернулся через несколько минут студент. – До них метров двадцать.

– А тэпэр дывысь, – подобрался Андрий и вскинул руку.

Один за одним грохнули три выстрела, все куски разлетелись в пыль. Словно и не было.

– Вот это да! – восхитился Васыль. – Метко стреляешь!

– Практика була богата, – разгладил усы старик. – А зараз ты (передал внуку оружие).

Тот, дрожа стволом, выпалил по оставшимся целям пять раз – в результате промазал.

– Ну а тэпэр будэмо вчиться, – поморщился старик и, кряхтя, уселся на сложенный плащ. – Дай сюды зброю.

Для начала он поведал ученику боевые характеристики пистолета, показал, как его заряжать и целиться.

После снова перешли к практике и, расстреляв вторую обойму, молодой Деркач наконец-то попал в мишень, что вызвало его бурную радость.

Затем Андрий подошел к старой груше-дичке, росшей неподалеку и спрятал пистолет в дупло.

– Ну а зараз собэрэмо грыбив на юшку, а то сусиды спытають дэ булы (хитро прищурился дед), поснидаемо шо Исус послав, то поидымо до дому – до хаты.

По дороге обратно дед с внуком набрали рюкзак во множестве росших в этих местах пэчэрыць, масленков и опят, а когда солнце повисло в зените, вышли к мотоциклу.

На извлеченный из багажника брезент поместилась корзинка с провизией, где были паляница, брус копченного сала, молодые огирки с пучком цыбули и фляжка сливянки.

– Ну, будьмо! – подождав пока Васыль нарежет паляныцю с салом, поднял фляжку дед Андрий и забулькал горлом.

Прикончив все, они подремали на зеленой травке, а ближе к вечеру, «Урал» тронулся в обратный путь, до хаты.

Вопрос о вступлении дида Андрия в «ряды» был решен с выездом во Львов в течение недели, и в Ровно появилась очередная боевая ячейка бандеровцев, которую он возглавил.

Теперь в лес «за грибами» по субботам, прихватывая воскресенье, навевалась целая группа.

Учеба велась в режиме строгой секретности. В укромном месте, на подходе к «тиру», выставлялась бдительная охрана с биноклем, которая постоянно менялась.

Кроме стрельбы провиднык* учил молодят изготавливать из подручных средств «коктейль Молотова», а также основам взрывного дела, а еще способам конспирации и тайной связи.

По вечерам же, когда на леса опускался вечер, компания «грибников» разжигала костер у машины, варила в казане галушки с салом и слушала рассказы Деркача про славные бандеровские походы.

Юные глаза светились отвагой, в них отражались будущие, которые были не за горами.

Глава 3. Солдаты удачи

– Хайя'аля-ссалят! – пропел заоблачный голос муэдзина в старой части Кабула, после чего Джек Блад разлепил глаза и хрипло выругался.

После вчерашней попойки с приятелями ужасно болела голова, и хотелось пристрелить служителя культа.

Сглотнув клейкую слюну, Джек нашарил рукой стоящую на полу бутылку джина, сделал из нее пару глотков, поморщился и прислушался к организму.

Через несколько минут тот пришел в тонус, Блад громко рыгнув, встал с постели.

На трех других дрыхли его соседи.

Сунув ноги в тапки, он проследовал в ванную, где встал под колючий душ, а потом растерся полотенцем.

Затем сунул в розетку «Филипс», чисто выбрил лицо и освежил его лосьоном.

В прошлом выпускник академии Вест Пойнт * и лейтенант армии США, Джек Адамс Блад, работал в частной военной компании «Triple Sapору», охраняющей американское посольство в столице Афганистана, а также его очередного президента Раббани.

После окончания академии Блад успешно начал службу, приняв участие в войне в Панаме, а затем Персидском заливе, за что получил медаль от Конгресса. Но затем, находясь в отпуске в родном штате Канзас, изнасиловал в ночном клубе местную красотку, что поставило крест на его военной карьере.

За решетку, благодаря заслугам и заступничеству отца – мэра города, где он родился, Джек не попал, однако с армией пришлось расстаться. А поскольку кроме как стрелять и командовать взводом он больше ничего не умел, теперь уже бывший 1-й лейтенант* подался в «солдаты удачи».

И вот теперь Джек в числе еще трех десятков таких же отставных военных трудился на «Triple Sapору», о чем не жалел. Работа была «не пыльная» и хорошо оплачивалась.

В прошлом полевой командир моджахедов, владелец изрядного состояния и торговец опиумом, четвертый президент Афганистана весьма заботился о своей безопасности и, не доверяя соплеменникам, препоручил ее иностранным наемникам.

Этим утром, часть из них, в составе Блада и его соседей по номеру в гостинице при президентских апартаментах, должна сопровождать Раббани в неофициальной поездке на юг страны в провинцию Гильменд. Там у того была назначена встреча с одним из влиятельных полевых командиров, старым другом и соратником.

Точнее это была не поездка, а перелет. В стране продолжалась война, и по дорогам даже президентскому кортежу ездить было опасно.

– Эй вы, поднимайте свои толстые задницы! – вернувшись в номер, принялся одеваться Блад. – Нас ждут великие дела и свершения!

– В ответ послышались недовольная ругань с бурчанием, и наемники быстро воспряли от сна, занявшись своим туалетом.

Минут через десять, в пятнистой униформе без знаков различия и с шевронами компании на груди, все сидели за столом в смежном отсеке – кухне, подкрепляясь сэндвичами и горячим кофе.

Прошлое у них было примерно одинаковое.

Отставной лейтенант Пирсон, в прошлом десантник, был уволен из армии за гомосексуализм; сержант Родригес, в бытность «морской котик» – за торговлю марихуаной; а последний и самый старый – майор Залесски отличился больше всех. Он был садистом и истязал пленных в Пакистане, где раньше служил военным инструктором.

Позавтракав, «солдаты удачи» закурили, и, забросив ноги на стол, расслабились.

В это время запищала лежавшая на столе мобильная рация, Залесски приложил ее к уху.

– Слушаюсь, босс, – пробубнил в микрофон и бросил парням, – на выход!

Те отворили створки встроенного в стену шкафа, облачились в бронежилеты с касками и, прихватив с крючков висящие там карабины «М-4», пружиня берцами, вышли наружу.

Спустя короткое время, все четверо поднялись на крышу одного из дворцовых даний, оборудованного вертолетной площадкой.

Там стоял «Ирокез» американских ВВС, из кабины которого весело скалились пилоты.

– Хелло парни! – поприветствовали их «солдаты удачи».

– Хелло! – ответили те, чавкая жвачкой.

Далее появился Сам, в шелковом одеянии, сопровождаемый двумя личными охранниками, и наемники изобразили строевую стойку.

Величаво кивнув черным тюрбаном, президент первым шагнул в машину.

Затем погрузились остальные, и стальная птица понеслась над столицей, в сторону синющих вдали гор, затянутых легкой дымкой.

Приземлился вертолет спустя час у большого кишлака близ реки, окруженного полями опийного мака, зеленеющего в долинах.

Навстречу уже пылил джип, в сопровождении бронетранспортера, на котором сидели несколько вооруженных моджахедов в пакулях* и длинных рубахах.

– Ассалам алейкум! – низко кланяясь, выскочил из автомобиля и засеменял к вертолету упитанный бородатый крепыш, в чалме и расшитой золотом безрукавке.

– Ва алейкум салам! – сделал ему шаг навстречу высокий гость, и хозяин облобызал ему руки.

Затем они заговорили о чем-то на фарси* – первый назидательно, а второй подобострастно, охрана же обменялась подозрительными взглядами. Правоверные не любили кафи-ров*.

Чуть позже, погрузившись в автотранспорт (президент был препровожден в джип, а охрана на броню), кавалькада тронулась обратно.

Миновав окраину кишлака с арыками и уходящими в небо тополями, она направилась к центру и въехала в широко открытые ворота обширной усадьбы. Та была обнесена дувалом, с вышкой в одном из углов, на которой расхаживал часовой, и имела по внутреннему периметру несколько строений.

Далее машины остановились, президент был приглашен хозяином в одно из них, возведенное из камня и с претензией на архитектуру, а «солдат удачи» похожий на муллу старик, расположил на открытой террасе второго.

– Располагайтесь, парни! – первым снял с головы каску Залесски и, положив рядом карабин, скрестив ноги, уселся на персидский ковер с несколькими, лежащими на нем подушками. Остальные проделали то же самое и с интересом стали оглядывать усадьбу.

По площади она составляла акр* и, судя по виду, была зажиточной.

Между тем, по знаку «муллы», на террасе появились два подростка в тубетейках, расстелили перед гостями цветастый дастрахан* и быстро его накрыли.

Там появились горячая баранина «шиш-кебаб» на шампурах, исходящий паром душистый плов с фисташками, белые лепешки, дыни с виноградом, а также чай, в двух больших фаянсовых чайниках.

– Шам хорди? – певуче спросил у наемников старик (те недоуменно переглянулись), а потом сказал – «лотфан» и сделал приглашающий жест рукою.

– Окей! – поняли американцы, разбирая шампуры, и заработали челюстями.

Когда изрядно подкрепившись, они тянули из пиал зеленый чай, лениво переговаривались, на пороге главного дома появились Раббани с телохранителями и хозяин, прокричавший что-то в сторону джипа.

Тот покатил к ним, наемники с готовностью встали, поправляя амуницию, но президент отрицательно покачал головой, приказывая им остаться.

– Нам же лучше, – ухмыльнулся Залесски, провожая взглядом отъезжающую машину. – Расслабьтесь парни.

После трапезы все четверо задымили сигаретами, предложив одну сидевшему напротив мулле, но тот вежливо отказался на английском, что вызвало естественное удивление.

– Ты знаешь наш язык, старик? – выпучил глаза Пирсон.

– Знаю, – последовал ответ. – А еще французский и русский.

– Откуда?

– В молодости много путешествовал и тянулся к знаниям.

– Был в нашей стране? – поинтересовался Родригес.

– Да, там я закончил два курса Стенфорда*

– А откуда знаешь русский?

– С шурави* воевал, – огладил бороду мулла. – Когда наш президент был полевым командиром.

– Ну и какие они солдаты?

– Лучше ваших, – блеснули щелки глаз. – Американцы убивают издалека, прячась от противника в укрытиях

– Полегче, старик, – пробурчал Залесски. – Можешь нарваться на неприятность.

– Я хочу вам показать одного, – перебирая янтарь четок в руке, невозмутимо предложил мулла. – Если пожелаете.

– А почему нет? – переглянулись наемники, соглашаясь.

– В таком случае идите за мной, – поднялся на ноги старик, и все спустились с террасы.

Проследовав в дальнюю часть двора, группа остановилась перед глухой дверью, мулла отодвинул засов, и все оказались во втором, менее обширном, но с еще более высокими стенами.

У одной из них, за оградой из жердей, меланхолично жевали жвачку овцы, у другой высился глиняный тандыр*, где две женщины в паранджах* пекли хлеб, отойдя при приближении чужеземцев в сторону.

Мулла, покосившись на них, прошел в конец двора (гости за ним) и ступил на мощеную кирпичем площадку, в центре которой виднелась железная решетка. На ее петлях висел замок, сбоку стояла прислоненная к стене лестница.

– Поглядите вниз, – предложил старик. – Вам будет интересно.

Гости обступили люк и наклонились.

В лившихся сверху лучах солнца, рассеивающих полумрак, на дне бетонного колодца сидел мужчина с перевязанной тряпкой головой и в обрывках полевой формы.

При звуках голоса муллы он поднял давно небритое лицо, злобно блеснув глазами.

– Этот кафир советский капитан, – сказал старик, – захвачен нами в бою, когда шурави выводили свои войска из Афганистана.

Его и еще троих таких же, мы использовали для работы на полях, в качестве сборщиков мака. Но три дня назад шурави сбежали, убив двух надсмотрщиков и захватив оружие. Всех друзей неверного (кивнул на капитана) мы отправили к аллаху, его же снова пленили.

– И что теперь с русским будет? – разглядывая пленника, спросил Блад, а Родригес с Пирсоном выжидательно уставились на рассказчика.

– Как храброму воину, мы предложили ему принять ислам. Он отказался, за что завтра будет забит камнями.

– Я бы с удовольствием на это взглянул, – растянул в улыбке губы Залесски. – Не люблю раша*.

Спустя еще пару часов, президент с хозяином вернулись, и гости отбыли на вертолете в Кабул, тихо и без приключений.

А когда после ужина все четверо, прихлебывая пиво из банок, сражались в номере в покер*, Блад поинтересовался у Залесски, за что тот не любит русских.

– Они бешеные звери, – отложил карты в сторону майор. – Расскажу вам одну историю.

В середине восьмидесятых я был в группе военных инструкторов в Пакистане, где под Пешаваром, в кишлаке Бадабер, мы готовили боевиков – моджахедов для заброски в Афганистан.

Там же, помимо учебного центра с полигоном, казармами и складами оружия, находился лагерь, где вместе с пленными афганцами содержались и русские, полтора десятка человек из так называемого «ограниченного контингента». В основном офицеры и сержанты.

С последними мы плотно работали, пытаюсь обратить в ислам и заставить воевать на стороне талибов.

Но в один из вечеров, когда охрана лагеря на плацу, совершая намаз, молилась Аллаху, они бесшумно сняли часовых, освободили аскеров* и, захватив склад с оружием, а к нему артиллерийскую установку, попытались прорваться в горы.

На место прибыл нынешний президент, тогда он был одним из командующих у моджахедов и восставшим предложили сдаться. В ответ те потребовали связи с советским посольством, а когда получили отказ, продолжили бой.

Он шел двое суток, пока не применили тяжелую артиллерию. Пленных не было.

– Коммунистические фанатики, – выслушав рассказ, перетасовал карты Пирсон.

– У нас таких сволочей полно на Кубе, – протянул к нему руку Родригес.

– Да, интересно было бы с ними повоевать, – заявил Блад, включая пультом телевизор.

На следующий день вся четверка выехала в одну из афганских воинских частей располагавшуюся в пригороде Кабула.

Ко времени описываемых событий, падение режима Наджибуллы* и новый виток гражданской войны привели к развалу афганской регулярной армии. Оставшиеся от неё вооружение и техника были разделены между противоборствующими сторонами – Северным альянсом Массуда и Дустума с одной, а также отрядами талибов и Исламской партии Афганистана с другой. Именно в это время Раббани «со товарищи», начал формировать национальную армию.

И в этом немалая роль отводилась военным из Пентагона.

А поскольку таковых не всегда хватало (дядя Сэм* активно внедрял «демократию» в ряде других стран), к делу привлекались специалисты частных военных компаний, в том числе и парни из «Triple Sapору», за дополнительную плату.

Не ограничиваясь охраной Раббани и своих дипломатов, они активно готовили из моджахедов новых солдат.

И вот теперь, в полной военной экипировке, словно пришельцы из другого мира, наемники рулили по кабульским улицам на бронированном «хаммере» лихо и целеустремленно, как следует героям.

Миновав центральную часть города, в разноголосом шуме базаров улиц и криков ослов с верблюдами, они выехали на окраину, миновав американский блок – пост и запрыгали по рытвинам проложенной еще советскими спеццами дороге.

По обеим ее сторонам тянулся безрадостный пейзаж, состоявший из такыров, песка и сухого саксаула, у горизонта синели хребты Гиндукуша.

Километров через пять автомобиль въехал в ворота воинской части, у которых бдили службу местные аскеры и оказался на ее территории.

Она была обширной – с плацем, на котором маршировала рота солдат, стоящим в центре штабом, увенчанном трехцветным флагом, десятком сборных казарм и парком бронетехники.

Затормозив «хаммер» у штабной стоянки, где находились еще несколько автомобилей, инструкторы вышли из него, поднялись по ступеням к двери (часовые у нее взяли на караул) и исчезли внутри.

Получив в штабе от военного советника майора – Хершбоу план проведения очередных занятий, а заодно угостившись шотландским виски, они откозыряли хозяину и отправились в казармы.

Бладу предстояло занятие с взводом аскеров по огневой подготовке.

Десять минут спустя, военный грузовик с тентом, доставил всех на стрельбище неподалеку от части, вышедший из кабины Джек через переводчика скомандовал «всем вниз!» и солдаты выстроились у машины.

Неспешно пройдя вдоль строя, лейтенант критически оглядел их, харкнул на горячий песок и прорычал, – первое отделение на линию огня!

Далее последовал перевод, и оно задрбило каблуками.

После того, как все девять, заклацав затворами винтовок изготовились к стрельбе лежа, была отдана команда, – «Огонь!» и М-16 задрбили короткими очередями.

Затем последовал осмотр мишеней (Блад удовлетворенно хмыкнул), место первого отделения, заняло второе.

Когда первая часть занятий была закончена, Блад провел с взводом краткий разбор и перешел ко второй. Стрельбе из гранатомета.

Теорию его подопечные уже знали, перешли к практике.

Для начала 1-й лейтенант извлек из притащенного солдатами из кузова ящика одноразовый М-72*, вышел вперед и, приведя тот в боевое положение, грохнул с колена по сожженному советскому «бэтээру», стоявшему чуть в стороне от других мишеней.

Пульсирующий сгусток огня ударил точно в борт, что вызвало оживление аскеров.

– Теперь ты, – отбросив в сторону трубу, кивнул Джек афганскому лейтенанту.

– Хоп мали*, – приложил руку к груди офицер, наклоняясь к ящику.

Этот выстрел тоже оказался удачным, после чего Блад приказал проводить занятия афганцу, а сам уселся в тень и предался мечтам о скором отпуске.

Из них Джека вывел очередной, в числе других выстрел, сопроводившийся диким криком. На позиции в конвульсиях бился аскер, заливая песок кровью.

– Фак ю! – выругался Блад, после чего встал и направился к месту происшествия.

Голова солдата представляла сплошной бифштекс – ее поджарило реактивной струею.

– Я же учил вас безопасности при стрельбе! – заорал инструктор на лейтенанта. Тот только бессмысленно пучил глаза да что-то бормотал посеревшими губами.

– Убрать! – рявкнул переводчику Джек. – Тренировка закончена!

Когда взвод ехал назад, американец был зол и мрачен.

Пуштуна ему было не жаль. А вот доллары, которые непременно вычтут из зарплаты – очень.

Когда белесый шар солнца завершал свой дневной путь, а с гор на пустыню повеяло прохладой, освежившиеся в душе и отужинавшие в части, наемники возвращались в Кабул, с чувством выполненного долга.

Глава 4. На осколках Империи

– Давай! – махнул рукой из-за каштана на другой стороне улицы, старший группы.

Сашка, прижимаясь к стене дома, чиркнул запалом по коробке, метнул в брызнувшее стеклом окно второго этажа дымовую пашку и затаился.

На третьей секунде изнутри повалил густой дым, оттуда хлопнули два выстрела, а потом, кашляя и чихая, вниз прыгнул бритоголовый амбал, тут же получивший удар прикладом автомата по затылку.

– Сдаемся! – заорал из окна второй, выкинув на тротуар обрез, и группа захвата вломилась в квартиру.

Чуть позже, троих скованных наручниками «братков», на глазах собравшихся у дома зевак погрузили в микроавтобус и тот покатил в областное УВД, к ждавшим там начальнику ОБОП* с прокурором.

– Молодец, лейтенант, – дружески толкнул Шубина в плечо, сидевший рядом на переднем сидении, руководивший операцией майор. – Качественно работаешь.

– Все как учили, – пробубнил Сашка сквозь балаклаву*, поправляя на голове шлем с пластиковым забралом.

После его возвращения в родной Стаханов, в родительском доме как водится, собралась близкая родня, поглядеть на бравого морпеха и поднять за него чарку.

Затем Сашка покуролесил с друзьями детства, вернувшимися из армии чуть раньше, а через неделю вернулся на шахту «Ильича», старейшую в Донбассе, откуда призывался на службу.

До нее, после окончания техникума, он работал здесь горным мастером, теперь продолжил в том же качестве.

Была, у парня и зазноба по имени Оксана, к которой он питал чувства еще до службы. Оксана училась в мединституте в Луганске, приезжала на выходные домой, они вместе ходили в кино на танцы и катались на мотоцикле.

Но дальше этого дело не шло, как ухажер не старался.

Между тем в стране, творилось что-то непонятное.

В политику бывший сержант особо не вникал, но факт был налицо, что он наблюдал собственными глазами.

Полки магазинов пустели, а цены росли, на предприятиях «Стахановугля» начали задерживать зарплату. То же творилось в области и по всему краю.

– Гребанный «пятнистый!»* – возмущались в нарядных шахтеры и выдвигали требования дирекции.

А поскольку «гвардия труда» была всегда решительной в действиях и поступках, на стахановских шахтах учинили стачком*, и пошло-поехало. На пространствах Союза грянули первые шахтерские забастовки.

Затем на политическом горизонте возник бывший сподвижник Горбачева Ельцин, ставший громить своего патрона с высоких трибун, призывая того к отставке и обещая светлое будущее.

– Так его суку! – возбуждался у телевизоров рабочий класс, а интеллигенция в Москве выходила на митинги в поддержку небывалого революционера.

Бардак меж тем нарастал: случился ГКЧП, на окраинах ширились националистические движения, и пролилась первая кровь, что привело к плачевным результатам.

В декабре 1991-го усилиями Горбачева с Ельциным и при участии их западных друзей, Союз Советских Социалистических республик канул в лету, а новые «свободные республики», с подачи Ельцина, принялись созидать светлое будущее.

Украина получила самое большое наследство, включавшее индустриальный Донбасс, высокоразвитое сельское хозяйство и всесоюзную здравницу Крым – жемчужину Черноморья.

Ее первый президент Кравчук, один из подписантов Беловежского соглашения*, тут же озвучил народу программу великих преобразований: реформа политической системы, приватизация и возрождение страны. Последнее – с душком национализма.

В результате гербом «нэзалэжной» стал бандеровский трезуб*, а гимном песня сичевых стрельцов гетьмана Симона Петлюры.

У старшего поколения жителей востока страны и в первую очередь фронтовиков, многие из которых были еще живы, это вызвало волну протеста.

– Немецкие холуи с такими «вилами» на конфедератках, стреляли нам в спины при освобождении Львова, – возмутился отец Сашки, увидев атрибут новой власти.

– Как же так? – думал Сашка, продолжая спускаться в забой дышащей на ладан шахты имени вождя мирового пролетариата. – Была страна и нету.

В один из таких дней, мрачный Сашка шел через парк «Горняк» к ближайшей автобусной остановке. Зарплату не выдавали третий месяц, и прошел слух о закрытии последних двух угольных предприятий объединения.

Под ногами шуршали осенние листья, на душе было муторно и тоскливо.

Внезапно за поворотом аллеи он услышал собачий лай, когда же повернул, увидел потасовку.

Трое молодых парней напали на средних лет мужчину, тот отбивался, как мог, а к ним, рыча, полз рыжий пикинес.

– Сволочи, – ускорился Сашка, и через пару секунд оказался рядом.

Первый, оглянувшийся, получил удар в челюсть и рухнул на асфальт, второго, кинувшего навстречу с занесенным кастетом, он перебросил через себя, а последний ломанул в кусты, только затрещало.

Пока приводил в чувство едва стоящего на ногах мужчину, остальные тоже испарились.

– Вовремя ты, – прохрипела, хлюпая разбитым носом, жертва нападения. – Дай мне Леву, пожалуйста.

Сунув потерпевшему в руки тут же ставшего облизывать тому лицо, собачонку, Шубин дотащил их до ближайшей телефонной будки и набрал «03». Вызов приняли.

Через неделю, после утреннего наряда, попросив задержаться, начальник участка сообщил, что его вызывают в прокуратуру.

– Ты там ничего не натворил? – покосился на мастера.

– Да вроде нет.

Когда же после смены он приехал на улицу Коцюбинского 13, в канцелярии сообщили, что его ждет прокурор, сопроводив в приемную на второй этаж.

Прокурор оказался тем самым мужиком с Левого, которых выручил Сашка.

На нем была форма полковника юстиции, а на лбу нашлепка из лейкопластыря.

Для начала, пригласив гостя сесть, хозяин кабинета высказал ему слова благодарности, а затем спросил, где тот научился так мастерски драться.

– Служил в морской пехоте и немного занимаюсь боксом, – скромно ответил Сашка.

– Звание?

– Сержант запаса.

– А разряд?

– Кандидат в мастера спорта.

– Однако! – высоко вскинул брови прокурор. – И с такими данными в шахте! Слушай, Александр (пристально взглянул на Шубина). У меня предложение. Как насчет того, чтобы пойти на службу в органы?

– В смысле?

– Прямо. Я могу составить тебе протекцию в «Беркут».

– А что это за птица? Не слышал о таком.

– Особое подразделение МВД, вроде армейского спецназа. Создано на Украине год назад, с учетом ухудшения криминальной обстановки.

Главные задачи – задержание особо опасных преступников и освобождение заложников, обеспечение общественного порядка при возникновении чрезвычайных ситуаций, силовое сопровождение оперативных мероприятий, ну и ряд других, не менее важных, – закончил правоохранитель

– Понял, – оживился приглашенный. – Круто.

– Служба, Александр, – продолжил прокурор, – сам понимаешь, ответственная и опасная, так что берут туда далеко не всех. Только после армии и по строгому отбору. Но и оплачивается соответственно, плюс возможность учебы в высших профильных учебных заведениях и дальнейший карьерный рост, что немаловажно.

После этих слов в кабинете возникла тишина, и стало слышно, как за окном стучит дождь, мелко и назойливо.

Затем на столе затрещал один из телефонов, прокурор снял трубку.

– Ну вот, – послушав, опустил. – В Ирмино разбойное нападение на сберкассу. Надо выезжать на место.

Так что подумай над моим предложением. До встречи.

Вернувшись домой, Сашка рассказал о предложении отцу, которого глубоко уважал, и тот посоветовал его принять.

– Угольной промышленности конец, – сказал он. – Так что иди в спецназ, это то, что ты умеешь.

Спустя три дня, навестив прокурора и дав согласие, бывший морпех был на приеме в областном УВД, у начальника подразделения «Беркут».

– По документам военкомата, ты, Шубин, нам подходишь, – сказал майор, просмотрев лежавшую на столе тонкую папку. – Кстати, по запасу ты теперь младший лейтенант. И прыжков у тебя будь здоров (продолжил). Опять же боксер-разрядник.

Короче, пиши заявление на имя генерала, – извлек из стола и сунул ему лист бумаги с ручкой.

Так Александр Шубин стал бойцом спецподразделения «Беркут».

Жизнь поатилась дальше, и вскоре он потерял счет выездам на операции, силовую поддержку действий угро* и разного рода охранные мероприятия.

– Ну что, бойцы? – пробасил старший группы, когда бандитов доставили в Управление, и парни освобождались от снаряжения. – Отметим это дело?

– А то! – раздалось в ответ. – За этими отморозками опера гонялись с прошлой зимы.

Сдав дежурство и переодевшись в штатское, группа вышла за КПП, где поймала двух бомбил*, отвезших их на рынок.

Там вскладчину купили водки, а к ней закуски, после чего отправились в пригород, где у старшего имелась дача на шести сотках.

– Вы пока накрывайте поляну, – сказал майор, когда приехали на место, кивнув на дощатый стол с двумя лавками под грушей. – А я щас принесу грибки и стаканы.

Пока он чем-то гремел в жилище, парни занялись «поляной».

Одни стали мыть лук и огурцы с помидорами во дворе у колонки, другие, сорвав по бергамоту, с удовольствием зачавкали, а прапор по фамилии Мороз, достав финку, начал пластать сало с колбасой и хлеб.

– А хотите стих? – довольно ухмыльнулся он, когда хозяин принес из дома граненые стаканы и банку маринованных лисичек собственного приготовления.

– Валяй, – сказал кто-то из парней, водружая на стол первую пару «Луга-Новой»*.

«Як романтично пахне ковбаса,

І помідори в банці зашарілись.

А в пляшечці, дбайливо, як роса,

Горілочка холодна причаїлась!

прочувствованно начал Мороз, притягивая к себе внимание.

– Пушкин ты наш, – умилился майор. – А ну, давай дальше.

...І сало ніжно зваблює тільцем,

І хліб наставив загорілу спину,

Якщо ти млієш слухаючі це...

Чому ж ти, б... не любиш Україну?!»

взмахнув ножом, закончил пиит, и все дружно заржали.

– Сам придумал? Здорово!

– Не, – помотал прапор головой. – Автор неизвестен.

– Ну, тогда к столу, – сделал радушный знак хозяин.

Сидели до первых звезд, а потом разъехались. Женатые по квартирам, у кого были, остальные в общежитие.

На следующее утро у Сашки был выходной, что радовало. Их давали не так часто.

Он встал пораньше, когда соседи по комнате еще дрыхли, принял холодный душ и, спустя полчаса, вышел во двор общежития в мотоциклетном шлеме, джинсовом костюме и с туго набитой спортивной сумкой.

Там были продукты для родителей, купленные накануне, а также подарок Оксане.

После окончания института она вернулась в Стаханов и работала врачом в больнице.

У гаражного блока, отсвечивая рубином, стояла его «Ява». Шубин завел мотор, тронулся к будке КПП.

Сонный дежурный поднял изнутри шлагбаум, Сашка приветственно махнул рукой и вырулил на еще пустынные, мигающие светофорами улицы.

Через десять минут он достиг квартала Гаевого, выехал на трассу, и в лицо ударил ветер.

Трасса, по которой неслась «Ява», пролегла среди бескрайних полей, окаймленных посадками, за ними, справа, тянулась череда меловых гор, у которых в утренней дымке темнели высокие осокори* над белеющими в долинах селениями.

Потом ландшафт чуть сменился, у горизонта, там и сям засинели терриконы, и мотоцикл стал приближаться к металлургическому Алчевску.

Несколько уходящих в небо труб когда-то одного из крупнейших в Европе комбината еще дымили, в воздухе чувствовался запах доменного шлака.

Вскоре он сменился свежестью рощ и лугов – мотоцикл вымахнул на возвышенность Брянки, за которой на широком просторе раскинулся Стаханов.

Миновав окраину, а потом центр с малолюдным базаром, городской, с прудом парк и квартал «Стройгородок», байкер оказался на другом конце, в Чутино.

Когда-то это было основанное еще запорожцами село, а теперь несколько утопающих в зелени улиц, окаймленных сонной речушкой Камышевахой. Со стороны древнего Свято-Николаевского собора, звонили к заутренней.

Подъехав к дому родителей, Сашка заглушил мотоцикл, и, прихватив с багажника сумку, направился к воротам, на басовитый лай своего любимца Дозора.

– Ну, будет, будет, – потрепал он его по загривку, войдя во двор, а навстречу уже спешила мать, вытирая о фартук руки.

– А где батя? – расцеловавшись с ней, поинтересовался гость, когда зашли в летнюю кухню.

– В саду. Зови его, будем завтракать.

– Понял, – ответил тот, поставив сумку на табурет, и вместе с Дозором прошел к внутренней калитке.

За ней белели известкой стволы десятка яблонь слив и груш, а в конце усадьбы, на низкой лавочке рядом с плакучей ивой, у тихо струящейся воды, сутулился отец.

– Здорово батя! – пожав старику руку, уселся рядом.

– А мы уж тебя заждались, – оживился тот. – Вот, – собираю урожай, кивнул на стоящую рядом корзину с золотистым анисом.

Сашка взял один и смачно захрустел, констатировав «в самый раз», после чего оба закурили.

– Ну, как дела на службе, сынок? – затянулся сигаретой отец.

– Вчера взяли очередную банду. Полные отморозки.

– Да, развелось этой погани кругом. Прямо настоящая война, – вздохнул Иван Петрович. –

– Ничего, батя, прорвемся. Там мама зовет завтракать.

– И то дело, – кряхтя, поднялся старый шахтер. – Бери корзину.

На завтрак была жареная картошка с салатом из помидоров с родительского огорода, а к ним банка тушенки «Великая стена» и копченый сыр из гостинцев, доставленных Сашкой.

– Зря потратился, сынок, – сказал Иван Петрович. – У нас с матерью все есть, урожай в этом году неплохой.

– То так, – поддержала его мать, налив сыну чая.

– По хозяйству надо чего помочь? – прихлебывая его, спросил у отца Сашка.

– Да нет. Все в порядке.

– Ну, тогда я проскочу к Оксане.

– Хорошая дивчина, – посветлела лицом мать. – Сколько лет встречаетесь, пора бы и жениться.

– Точно, пора, – взглянул на сына отец. – А то гляди, бобылем останешься.

– Не останусь, – рассмеялся сын и вышел.

Оксаны, живущей на соседней улице, дома не оказалось, ее бабка сообщила, что внучка на работе, и Сашка на мотоцикле пострекотал туда, захватив подарок.

Им было янтарное ожерелье, на которое лейтенант копил несколько месяцев со своего жалованья.

Проскочив утопавший в зелени «Стройгородок», мотоцикл свернул к ЦГБ*, расположенной в старом парке и встал у одного из корпусов.

Взбежав по ступенькам на крыльцо, Шубин потянул на себя стеклянную дверь и оказался в вестибюле с больничными запахами.

– Здравствуйте, тетя Маш, – сказал сидящей за перегородкой пожилой женщине. Та, мелькая спицами, что-то вязала.

– И тебе, Шурик, не хворать, – качнула та сидящими на кончике носа очками. – Ты никак к Оксане Юрьевне? Она на втором этаже, в процедурной.

– Спасибо, улыбнулся Сашка и шагнул к лестничному маршу.

Найдя на втором этаже нужный кабинет, постучал.

Оксана, в белой шапочке и халате, сидя за столом, что-то писала.

– Ой, Сашка! – обрадовалась она. – Каким ветром?

– Степным, – белозубо рассмеялся гость, – А это тебе, – извлек из кармана и протянул девушке узкий пенал. – Подарок.

Та взяла, отодвинула крышку и прошептала, – красивое какое, будто солнце...

– Балтийский янтарь, – улыбнулся гость. – По поверью делает владельца красивее. Хотя этого у тебя и так с избытком.

Оксана действительно была такой. Среднего роста, с точеной фигуркой и черными очами, как ее тезка из гоголевских «Вечеров близ Диканьки».

– Кстати, – наклонился к столу Сашка, – ты когда заканчиваешь? Есть предложение смотреть на Донец, искупаться.

– В три, – чмокнула его в щеку доктор, после чего встала и примерила украшение у висящего на стене зеркала.

– Саня, ты у меня такой! – обернулась, сияя глазами.

– Ну ладно – ладно, – поднялся со стула ухажер. – Значит, в четыре я у тебя.

Когда полуденная жара спала, и со стороны степи повеял ветерок, они с Оксаной неслись в сторону Северского Донца, по уходящей среди полей вдаль, серой ленте асфальта.

Потом, вдали заблестела река, и мотоцикл свернул на грунтовку.

– Ну, вот тут и станем, – подрулив к роще верб, тянувшихся вдоль песчаного пляжа, заглушил мотор Сашка.

В уши ударила тишина, нарушаемая пением дрожащего в небе жаворонка.

Расстелив в тени деревьев плед и сняв одежду, пара с хохотом вбежала в воду. Парень замелькал саженками вперед, а девушка стала плескаться на мелководье.

Потом с хохотом гонялись друг за другом по песку, Сашка ходил на руках и дурачился, а затем лежали в тени дрожащих листьев и слушали, как в бору считает года кукушка.

Осенью они поженились. Свадьба была скромной, в одном из кафе, на ней сослуживцы жениха, приехавший из Луганска, подарили молодым «Самсунг» и розового живого поросенка.

Вскоре после свадьбы молодая чета сняла комнату в Каменобродском районе областного центра, в доме дальней родственницы Оксаны. Жизнь продолжалась.

Глава 5. Крот

Вольготно раскинувшись в шезлонге на овеваемой легким ветерком террасе, майор Линник потягивал из бокала ледяной «Миллер» и наблюдал закат солнца над Северским Донцом.

Утром он приехал с кураторским визитом из Луганска в Попаснянский отдел СБУ, расположенный в Первомайске, «озадачил» подконтрольных указаниями и полистал дела оперативного учета, после чего отобедал с начальником по фамилии Пасюк в коммерческом ресторане. По высшему разряду и с «хенесси»*, которому отдавал предпочтение перед другими напитками.

– Командировка Олег, у меня трое суток, – сказал радушному подполковнику, ковыряясь зубочисткой во рту. – У тебя, в принципе, порядок. Я же, знаешь, немного устал. Организуй

мне номер на одной из загородных баз отдыха, а вечером часов в восемь, навестим нашего клиента.

– Слушаюсь, изогнул спину – Пасюк. А потом тихо спросил, – номер с хорями?*

– Естественно, – сыто икнул Линник. – Для начала пришли одну. Помоложе и чтобы хорошо строчила*.

И вот теперь, накувыркавшись в прохладном, пахнущем соснами номере с девицей (ту, специально выделенный опер увез обратно), майор предавался размышлениям о жизни.

Она была у Владимира Алексеевича двойная. До развала Союза – и после.

Родившись, как и Шубин в шахтерской семье, в одном с ним городе и на одной улице, с малых лет в семье Володя получал совсем иное воспитание.

Его отец – Алексей Линник, родом с Западной Украины, происходил из «заможной»* семьи, мужчины которой в годы войны добровольно вступив в ряды подполья, активно боролись с оружием в руках против Советов и в результате бесславно кончили кто в густых буковинских лесах, а кто в лагерях ГУЛАГА.

Тогда еще юному Алексею повезло.

В начале июня 41-го он приехал погостить к своей родной тетке Полине, вышедшей замуж за москаля и проживавшей в Чутино, а с началом войны и оккупации немцами Донбасса вынужден был там остаться.

С местными пацанами собирал уголь на терриконах, стрелял из рогатки и ел галок, а еще мечтал вступить в полицию, но опасался появившихся в этих краях партизан.

Когда же Красная армия освободила Луганщину и на службу стали призывать не угнанных в Германию ребят 1925-го года рождения, тетка выправила восемнадцатилетнему племяннику метрику*, по которой тому было всего шестнадцать.

Новые друзья ушли на фронт и в большинстве погибли, а Алексей был определен в трудармию и стал работать подземным слесарем в шахте.

Сразу после войны его тоже призвали (служил в оккупированной Германии), а после демобилизации вернувшись в Донбасс, тайно навестил Буковину.

Там от дальней родни узнал, что случилось с его семьей, и быстро уехал назад, от греха подальше.

Советскую власть Алексей никогда не считал своей. Так его учили родители и ксендз*. Теперь стал ненавидеть.

Но надо было строить свою жизнь при ней, что и стал делать.

Для начала выбился в стахановцы и попал на шахтную «доску почета», будучи неплохим баянистом, принимал участие в художественной самодеятельности, на людях всегда был добр и приветлив.

Затем женился на одной из местных девушек и построил напротив хаты тетки свой дом с обширной усадьбой, на которой вскоре запищали сыновья – старший Александр и младший, Володя.

Пока были малы, не неволил, а когда пошли в школу, исподволь занялся воспитанием потомков.

Рекомендовал поменьше общаться со сверстниками – они мол, быдло, научат плохому; стал прививать любовь к книгам Ивана Франка и Леси Украинки*, а также старой истории Украины, без москалей и коммунистов. Еще учил поменьше говорить, но больше слушать.

В результате, под разными предлогами, в школе, те отказались вступать в комсомол.

Ими стали перед поступлением в институт – отец желал дать молодым Линникам высшее образование. А перед этим, сначала одному, а затем другому, рассказал о своих буковинских корнях, героях – бандеровцах и дал напутствие: всегда помнить, кто они и откуда.

Потом старший закончил Харьковский авиационный институт и уехал строить самолеты в Ташкент, а Владимир на четвертом курсе Донецкого политеха попал на практику в Москву, отыскал там своего школьного друга.

Как оказалось, отслужив срочную в погранвойсках, тот работал в КГБ, что вызвало при встрече живой интерес друга детства.

Когда же приятели чуть выпили и обстановка стала непринужденной, Володя между делом спросил, а нельзя ли и ему устроиться в «контору»? Мол, сам идейный, готовлюсь вступить в КПСС и не прочь стать бойцом невидимого фронта.

– Почему нет? – оценивающе оглядел его Виктор. – Трудно. Но можно попытаться.

И рассказал, как это сделать.

Спустя год «технар» учился в Киевской средней школе КГБ, готовящей офицеров контрразведки. Закончив ее, получил звание «лейтенант» и должность оперуполномоченного в Управлении по Луганской области.

– Молодец, сынок, – сказал по этому поводу старый Линник. – Чую, далеко пойдешь. Но не забывай свои корни.

– Не забуду отец. Коммунистам, думаю, недолго осталось.

Вскоре Союз рухнул, Владимир продолжил службу в «нэзалэжной» Украине и теперь не скрывал своих взглядов.

Кроме того стал зарабатывать капитал, как все силовики в новом государстве. А проще – крышевать. Тем более, что обслуживал в Луганске крупное промышленное предприятие и курировал несколько райотделов отделов СБУ на периферии.

На первом, за покровительство, майор ежемесячно получал от новых хозяев – заранее оговоренные суммы; начальники вторых отстегивали куратору за лояльность, из своей доли.

Теперь у Линника в Старобельске, куда переехала их семья, был свой, оформленный на жену бизнес, состоящий из нескольких магазинов, и Владимир планировал обзавестись небольшой фабрикой. Она была в том же городе, принадлежала бывшему директору, а метод был довольно простой – рейдерский захват.

С месяц назад он обратился за содействием в этом вопросе к своему другу детства Шубину, служившему в «Беркуте», обещая в случае успеха долю, но тот послал его «на хер» и едва не набил морду.

– Я тебе это еще попомню, сучий потрох, – вернувшись от размышлений в реальность, – поставил майор бокал на стоявший рядом столик и взглянул на свою «Омегу»*.

Стрелки показывали без одной минуты двадцать, а потом услышал тихий шум подъехавшего внизу автомобиля.

Далее хлопнули дверцы, под тяжелыми шагами заскрипела лестница, и на террасу вошел Пасюк в бейсболке, темных очках и спортивном костюме «адидаас», чем-то похожий на итальянского мафиози.

– Мы готовы, Владимир Алексеевич, можем выдвигаться.

– Хорошо, через пять минут выезжаем.

В номере, сбросив купальный халат, Линник облачился в аналогичный прикид, сунув в карман куртки «глок»* , который всегда брал с собой в командировки.

Помимо служебных заданий генерала и его замов, там нередко приходилось выполнять их личные. Ибо начальство имело свои коммерческие интересы, но, в отличие от подчиненных, на всей территории области

В этот раз предстояло разобраться с владельцем Мирнодолинского завода, находившегося в поселке Тошковка.

Дело заключалось в том, что треть акций завода, выпускающего промышленное оборудование, оформленных на подставное лицо, принадлежали одному из руководителей областной СБУ (непосредственному начальнику майора), и тот желал получать более высокие дивиденды.

Линнику поручалось решить этот вопрос, используя оперативные возможности.

Часть его, до выезда, майор решил и теперь похищенный «неизвестными» из своего коттеджа в Первомайске главный акционер предприятия, четвертые сутки томился в подвале на заброшенном хуторе в лесной балке*.

Первомайская милиция вместе с райотделом СБУ вела розыск коммерсанта, но безрезультатно.

Между тем, черный «Рендж-Ровер» с тонированными стеклами, в котором кроме Пасюка с Линником находились два оперативника, вырулил с территории пансионата, и, оставив позади сосновый бор, запыхал по степному шляху меж полей, в сторону села Нижнее.

В паре километрах от него свернул на едва приметную дорогу, а потом, юля из стороны в сторону, спустился в поросшую вербами, прохладную долину.

Там, в зарослях лещины, виднелись остатки каменного дома

– Приехали, – остановил машину сидевший за рулем подполковник, все вышли из нее и по густой траве направились жилищу.

– Давайте его сюда, остановившись рядом, – приказал начальник операм.

Те скрылись внутри, а затем появились, ведя похищенного в наручниках и с завязанными глазами.

– Слушай меня внимательно, – сказал Линник, когда тройка остановилась в двух шагах, а человек, втянув голову в плечи, испуганно всхлипнул. – Пан Коцюба (так звали подставного) желает иметь на тридцать процентов больше прибыли по своим акциям. Ты меня понял?

– П-понял.

– Завтра тебя найдут менты с эсбэушниками, – продолжил майор и подмигнул коллеге. – Но им о нашем разговоре ни «гу-гу». Ясно?

– Да, – часто закивал головой пленник.

– Скажешь, что тебя похитили какие-то отморозки и требовали выкуп. – Ну а если сболтнешь лишнее, тебя убьют.

– Не надо... – зарыдал толстяк, обвиснув в сильных руках, а на его штанах затемнело пятно. – Я все, все сделаю!

– Давайте его назад, – брезгливо поморщился Линник, а когда вихляющаяся тройка удалилась, бросил Пасюку, – пошли к машине.

Когда в мерцании первых звезд, пыльный «Рендж-Ровер» въехал на территорию дома отдыха, их встретил хозяин, представленный областному гостю.

– Для вас завтра выходной, – сказал операм начальник и те потопали к стоявшему на стоянке «форду». Хозяин же, по имени Вилорий, средних лет ражий детина, провел офицеров в свой личный блок, где те приняли душ Шарко, после чего все отправились в зал для почетных персон, работавшего до утра ресторана.

Оттуда слышалась разухабистая музыка и смех отдыхающих, с открытой веранды, в небо то и дело взмывали, с треском лопааясь, фейерверки.

– М-да, прямо праздник жизни, – поцокал языком майор. – Красиво отдыхают.

– Сегодня день торгового работника, – расплылся в улыбке хозяин. – Это наши и из соседних районов бизнесмены.

Чуть позже, удобно расположившись в кожаных креслах гостевого зала, передняя стена которого, выполненная из прозрачного стекла отражала звездный купол неба и сонную реку, полковник с майором с удовольствием оглядывали горячительное и холодные закуски, а Вилорий отдавал распоряжение нарисовавшейся рядом смазливой, с ногами от плеч, официантке.

– Ну что, приступим? – потянулся он волосатой лапой за бутылкой шотландского виски «Лох-Несс», когда та упорхнула.

– Можешь, – накладывая на тарелку Линника черную икру, – кивнул подполковник.

Далее бокалы наполнили, и куратор произнес тост. – За коммерцию и хозяина!

Утолив первый голод, выпили по второй, за процветание Украины, а вдогонку по – третьей. Что б муха не пролетела.

Затем появилась официантка в сопровождении второй, с судком стерляжьей ухи и нанизанными на шампуры шашлыками.

– Под них лучше водку, – потянул из ведерка со льдом запотевший «Абсолют» Вилорий и наполнил припасенные для него стаканы. – Ну, будьмо! – поочередно чокнулся с гостями.

Те неспешно высосали их до дна, побурев мордами, крякнули и навалились на уху, мыча от удовольствия.

Что было после, Линник помнил смутно.

Урывками в сознании всплывала длинноногая официантка, с которой целовался на брудершафт, а затем трахался в смежной комнате, затем они с Вилорием тащили в туалет блюющего Пасюка, а потом он таскал хозяина за ворот и орал, «убью, Ленин!».

Спустя еще сутки, отметив командировку, майор возвращался назад. Под колесами его «тайоты» ровно гудел Бахмутский шлях, магнитола томно пела голосом Чилинтано.

Глава 6. Щэ нэ вмэрла Украина

По Крещатику, залитому морем огня, шло факельное шествие.

В первых рядах, вкупе со священниками – иезуитами и дивчатами, несущими портрет «гэроя нации», двигались ветераны УПА в кашкетах с трезубцами, молодые, с горящими глазами активисты из «Свободы»*, а также многочисленная киевская интеллигенция со студентами и люмпенами*, над головами которых реяли черно красные знамена.

Нэзалэжна с розмахом отмечала столетие со дня рождения Степана Бандеры.

Время от времени активисты с мегафонами и повязками на рукавах, металлически гавкали «Слава Украине!», а толпа ревела в ответ «Гэроям слава!!!»

Увенчанный в бронзе Богдан Хмельницкий на коне, апокалиптически отсвечивал в языках пламени, в окнах домов, за которыми угадывались обыватели, испуганно дрожали стекла.

– Гарно маршэруем! – сказал кульгая на одну ногу, изрядно постаревший Деркач, в пошитой по такому случаю бандеровской форме, шагающему рядом с ним с факелом в руке, заматеревшему внуку.

– Щэ б комуняк з жидамы на фонарях и було б зовсим файно!

– Будуть и комуняки, дидусь, – водил по сторонам налитыми кровью глазами Василь. – Мы теперь сила!

Затем на майдане, в старину именовавшемся Козьим болотом, начался шабаш.

С высокой трибуны, скаля по – волчьи зубы, к присутствующим обратился теперь уже лидер фракции неонацистов в Раде Олег Тягнибок, которого встретили овациями.

«Они, – кивнул на портрет Бандеры, – а потом ткнул пальцем в стоящих внизу в первых рядах, старых бандеровцев, – не боялись, как и мы сейчас не должны бояться! Они взяли автомат на шею и пошли в те леса! Они готовились и боролись с москалями, боролись с немцами, боролись с жидвой и с другой нечистью, которая хотела забрать у нас наше украинское государство..!! Нужно отдать Украину, наконец, украинцам. Эти молодые люди, и вы, седоголовые (обвел рукою возбужденную толпу), это есть та смесь, которой больше всего боится москальско – жидовская мафия, которая сегодня руководит в Украине!!!»*

– А-а-а..! Смэрть им!! Усих на ножи!!! – задрожал от дикого рева воздух на майдане.

После него, в аналогичном контексте выступил дряхлый, увешанный оловянными медалями ветеран УПА, специально приехавший из Канады сын Бандеры, молодые нацисты, а также представители киевской элиты и интеллигенции.

– Что же это такое, Марек? – спросила мужа, стоящего рядом с ней у окна ближайшего к майдану дома, взволнованная старушка

– Это новый фашизм, Циля, – вздохнул ветеран войны – полковник.

– И снова будет Бабий Яр?*

– Для нас нет, – сжал он губы. – Первых, кто придет, застрелю как собак, из наградного пистолета.

Когда мероприятие завершилось, лучшие представители нации стали расходиться.

Одни – политики и киевская власть, усевшись в черные блестящие лимузины, отправились на праздничный банкет в мэрию, заказанный по такому случаю, другие сели в ждущие их, привезшие в столицу автобусы, а студенты с люмпенами стали пить у колонны Берегини* и в подворотнях «за здоровье», специально доставленную паленую водку.

Погрузившись в арендованный «Mercedes-Benz», ровенская делегация во главе с губернатором и его свитой, к утру с комфортом добралась до областного центра.

Там до обеда отдохнули, а потом отправились в местный костел помолиться за юбиляра.

Дело в том, что западные области решили обратиться к Папе Римскому в Ватикан, дабы тот причислил Степану Бандеру к лику святых. И в этом была нужна божья помощь.

Помолились, вслед за чем тоже отправились на банкет, по примеру киевского.

Там старые «гэрои» быстро набрались, после чего были развезены по домам, а молодые продолжили, с пламенными речами и изрядными возлияниями.

Столы ломились от крымского коньяка, «Немирова» с перцем, артемовского шампанского» и всяческих кулинарных «вытребенок», которыми была еще богата «нэзалэжна».

Расположившийся справа от губернатора Василь (он теперь занимал при нем должность помощника по идеологии), сально улыбался одной из симпатичных пань * – жене спонсировавшего «правый сектор» ровенского капиталиста.

Тот был уже изрядно пьян и канючил у городского головы престижный участок под застройку элитными коттеджами.

Нэ дам, – стукался тот лбом в лоб просителя. И все начиналось сначала.

В очередной раз послав скучающей даме ослепительную улыбку, «идеолог» едва заметно кивнул на примыкавший к банкетному залу коридор, на что та смежила ресницы.

После этого Деркач встал и неверными шагами направился туда, в одну из комнат отдыха.

Через несколько минут там же была жена капиталиста, он провернул дверную задвижку, а пани прошептал «скориш»*, задрала на пышных бедрах мини-юбку.

– Моя ты цыпа, – расстегнув штаны, пристроился Василь сзади.

Когда изрядно вспотевший он вернулся в зал, там ничего не изменилось, разве что голова с просителем договорились и теперь обнявшись, сипло тянули «ридно нэнька моя!», а прокурор с начальником УВД тягали друг друга за галстуки, выясняя, кто главнее.

Панэ провиднык! – привлек его внимание сидящий напротив один из побуревших молодых соратников.

– Ну, – тяжело уставился на него идеолог.

– Дозвольтэ уночи розбыты дэкилька памятникив жидам на цвинтари*. У чэсть батька Бандэры.

– Дозволяю, – чуть подумал Деркач, покосившись на прокурора.

Тот спал, уронив в тарелку голову, а его недавний оппонент тужился поплевать. Но не успел, официанты потащили генерала в туалет, почтительно глядя на лампасы.

Наутро город зашумел. На одном из его кладбищ был разбит десяток еврейских памятников, а остальные помечены свастикой. Одни возмущались святотатством, другие, таких было большинство – помалкивали, а молодежь заговорщицки переглядывалась.

Теперь в Львовской, Тернопольской, Ивано-Франковской и других областях, националисты действовали практически открыто.

Как грибы – поганки, на центральных площадях и в городских скверах росли памятники Бандере и Коновальцу, организовывались шествия и демонстрации, разжигалась ненависть к России.

Не ограничиваясь этим, «Свобода» и производные от нее «Тризубы», «Оболони» и «Братства», принялись формировать и готовить, свои боевые отряды.

Во многих западных областях Украины, в бывших пионерских лагерях с турбазами, которые любезно предоставляла местная власть, они организовали «культурный отдых», на который потоками отправляли молодежь, воспитанную в духе национализма.

Там исходный материал уже ждали инструкторы, прошедшие Чечню, Северную Осетию или Приднестровье, передающий свой опыт.

Солнечным июньским утром, Василь Деркач, как куратор УНА-УНСО* по Ровенской области отправился навестить очередной поток курсантов – земляков, обучавшихся в одном таком лагере под Костоподем.

Впереди, на служебном «джипе» следовал сам куратор с шофером, позади жужжал двигателем грузовой «Богдан», с данью от местных спонсоров.

Настроение у пана Деркача было приподнятое, и он с удовольствием слушал гремящие из колонок магнитолы, бравурные марши Третьего рейха. Они весьма почитались в УНА-УНСО. Там чттили и помнили своих хозяев.

2

– Да, – думал «кэривынк», в такт притопывая ногою. – Еще чуть-чуть и, возможно, его переведут в Киев, на более ответственную работу. К тому были причины.

Его львовские знакомцы по институтам Тягнибок с Парубием давно обретались в столице при должностях и помнили заслуги Василя, которых у того было немало.

К передаче оружия со взрывчаткой организации (дед исполнил свое обещание) и созданию первой боевой ячейки в Ровно, добавились еще две «акции»*.

Пару лет назад, в канун Дня Победы, он вместе с двумя подручными, по наущению старого Деркача, до смерти забил в квартире ветерана Великой Отечественной войны (преступников местные милиционеры не нашли), затем организовал поджог еврейской синагоги в Остроге.

Как только свернули на ответвление, впереди возник шлагбаум, а за ним два хлопча в камуфляже. Один быстро его поднял, а второй, с рацией на груди, вскинул вверх от груди руку.

Деркач начальственно кивнул, и машины двинулись в сторону бора.

Через несколько минут они въехали в его пахнущую хвоей прохладу, и свернули на грунтовку, за которой синело озеро. На дальнем берегу виднелись строения лагеря.

Там, на площадке со спортивными снарядами, группа раздетых до пояса парней отрабатывала приемы рукопашного боя, за чем бдитительно следил расхаживающий рядом инструктор в темных очках, шортах и пятнистой майке.

Гостей в лагере уже ждали.

Когда въехав в ворота с растянутым вверху транспарантом «Наша влада повинна бути страшною!» автомобили подкатили к главному корпусу, с его ступеней навстречу вальяжно спустился один из руководителей курсов – здоровенный мордovorот, известный в Ровно по кличке Сашко Билый.

---

² УНА-УНСО, УПА – экстремистские организации, запрещенные в РФ

Его родной дядя в годы войны являлся бойцом УПА, и племянник достойно продолжал «святое дело».

В начале 90-х он воевал в Чечне против комуняк, исполняя обязанности палача при Дудачеве и отрезая русским солдатам головы, а вернувшись на родину, занялся бандитизмом. Отсидев за это тройку лет, Сашко еще больше проникся идеями борьбы, вступил в УНА-УНСО и в свободное от криминала время передавал свой геройский опыт молодым.

Оба провидныка – идейный и «бойовый» почоломкались, выдав при этом обязательную «Слава!», приехавшие с Деркачем активисты стали его разгружать, таская коробки с мешками в склад, а начальники поднялись в кабинет Музыкачки.

– Як йдэ обучение Сашко? – поинтересовался идейный вождь, удобно разместившись у приставного стола в кресле.

– Усэ гаразд, – уселся тот в свое, над которым на стене красовался портрет гауптштурм-фюрера СС Романа Шухевича.

Несколько позже Музыкачко с одним из инструкторов, демонстрировал гостю учебную подготовку.

Одни курсанты, сидя в специально оборудованном классе осваивали взрывное дело; вторые – в тени под навесом, занимались сборкой и разборкой автоматов с карабинами; из дальнего карьера, за лагерем, доносилась едва слышная пальба – там шла стрелковая подготовка.

После обеда, состоявшего из наваристого борща с пампушками, котлет и абрикосового компота, Музыкачко пригласил Деркача в сауну, расположенную за главным корпусом.

Изрядно напарившись березовыми вениками и освежившись в бассейне с холодной водой, они перешли в гостевую комнату, с висящей на стене кабаньей головой и стильной мебелью, где их уже ждала четверть горилка с закусью и холодная «Оболонь» в бутылках.

Первые тосты, как водится, были подняты «за нэньку Украины и ее гэроив», затем пили за все прочее.

– Хочэш, розповим як я воював в Чечни з комуняками? – изрядно набравшись, заявил Музыкачко собутыльнику.

– Эгэ ж, – пьяно икнул тот. – Хочу.

И дальше началось повествование о том, как храбрый «воjak» десятками жег на Кавказе русские танки с бэтэрами, лично разгонял батальоны москалей и сбивал из «стингеров» их самолеты.

– За цэ мэнэ сам Джохар (поднял Сашко вверх палец) нагородыв орденом «Честь нации», та назвав моим ім'ям вулицю у Грозном.

– Дай я тэбэ розцилую, дружэ, – расчувствовался Деркач, потянувшись к нему соляными губами.

– А щэ я там показав, хто таки бандэри́вци – утер щеку Музыкачко. – Торощыв полонэным москалям пальци плоскогубцямы, выколював очи штыком и видризав головы.

– А головы навищо? – мутно уставился на него идеолог.

– Щоб граты у футбол, – подмигнул ему Музыкачко и хрипло рассмеялся.

– Ото гэрой! – восхищенно поцокал языком Деркач, после чего набулькал в стаканы горилки, – будьмо!

Глава 7. Крестник

– Хрясь! – врезался Сереге в челюсть кулак и смел его со стула, привинченного к полу «допросного» кабинета.

– Вставай, братан, – цапнула за ворот рубашки крепкая рука, снова водружая на место.

– Ну, так что, Ионаш, так и будем играть в молчанку? – последовал вопрос из-за спящей глаза, стоящей на столе лампы.

– Мне нечего сказать, – просипел Серега.

– Хэк! – рубанул его сбоку ребром ладони по шее сопящий сзади опер, в глазах поплыли радужные круги, и парень отключился.

Сидевший за столом следователь дакнул кнопку под его крышкой, через секунду железная дверь с лязгом отворилась, и в ее проеме возник хмурый сержант в камуфляже.

– В пятую его, – ткнул пальцем в валяющегося на полу Серегу следователь. – Пусть на досуге подумает.

– Слухаюсь, – пробубнил сержант, и они вместе с опером выволокли бесчувственное тело из допросной.

Очнулся Серега на холодном бетоне камеры и со стоном вполз на деревянный настил – шконку.

Пощупал пальцами зубы (те ныли, но были целы), высморкнул из ноздрей на пол студенистую кровь, после чего осмотрелся.

Судя по виду, это была одиночка. Размером примерно два на три, с бетонным очком параша в углу, жестяной раковиной с медным краном рядом, забранным сеткой, тускло горящим плафоном на низком потолке и небольшим, с решеткой окошком.

Кряхтя, Серега встал, прошаркал кроссовками без шнурков к раковине и, отвернув кран, долго пил холодную, воняющую хлоркой воду.

Потом ополоснул распухшее лицо, утерев его рукавом, вернулся назад, улегся на бок и забылся тяжелым сном, подтянув ноги к подбородку.

Где-то загремел гром, и Серега проснулся.

– Завтрак! – гавкнули из окошка откинутой внутрь из двери кормушки, и на нее брякнула алюминиевая кружка, с пайкой черняшки.

Сиделец, морщась, встал, взял завтрак – кормушка закрылась.

Хлеб он есть не стал (тупо ныла челюсть), а пахнувший соломой горячий чай выхлебал с удовольствием.

Где-то за дверью, в коридоре СИЗО*, чуть слышалась музыка, за пыльным окошком камеры, просматривался пятачок неба.

Сереге стало тоскливо и его взгляд заблуждал по стенам, а потом остановился. Они все были в надписях и довольно интересных.

«Федорков – козел» выцарапал кто-то твердой рукою. «Здесь сидел Пистон» – сообщала другая, выполненная крупными каракулями, «Смерть активу и ментам!», гласила очередная.

Нчальника Стахановского угрозыска майора Федоркова, Серега видел пару раз, и у братвы он носил кличку «Гнус», поскольку брал взятки, крышевал и беспредельничал. Пистон был известный в округе вор и наркоман, не так давно убитый донецкой бригадой в Алчевске. Далее шел неприличный стишок и искусно выполненный рисунок голой девки, а справа от окошка полоснула по сердцу надпись «Прости мама», выполненная затейливой вязью.

В этой жизни Серега Ионаш мало кого любил. Разве что мать и дядю.

Через пару лет после его рождения великая страна канула в лету, а когда мальчишке исполнилось семь лет, при обвале в шахте погиб отец и их семья, в который была младшая сестренка, стала бедствовать.

Зарплаты, которую получала работающая бухгалтером горно мать, не хватало. Родня помогала как могла, но у самих тоже было не густо.

Выручал дядя. В один из своих приездов, спустя несколько месяцев после гибели отца, он устроил мать экономистом на фабрику, а крестника определил в городскую ДЮСШ* – в секцию бокса. А еще подарил пневматическую винтовку и преподал первый урок стрельбы, сказав при этом:

– Хорошо учись и занимайся спортом, Сергей. В этой жизни надо быть мужчиной и бойцом. Что мальчишка хорошо запомнил.

В боксе он особых успехов не достиг, хотя к окончанию школы имел первый разряд, а вот стрелять из винтовки научился отменно, и это впоследствии здорово пригодилось.

Тогда дядя уже служил в Киеве и обещал племяннику помочь поступить в высшую школу милиции.

– А меня возьмут? – с надеждой спросил Серега.

– Все в твоих руках. Но нужно пройти армию.

Далее был год службы в бригаде ВДВ под Днепропетровском, где сержант Ионаш стал классным снайпером и утвердился в желании поступить в спецназ, как дядя, но после демобилизации крупно «влип», что вконец изменило жизнь парня.

Тем майским вечером, спустя сутки после возвращения домой, навестившие друзья уговорили десантника отметить это событие в одном из городских ресторанов с традиционным названием «Донбасс», куда все и отправились.

Заняв столик в главном зале и сделав заказ, для начала выпили за Серегино возвращение, потом за дружбу, вслед за чем потек душевный разговор – парни все были серьезные.

Тем временем посетителей в заведении становилось все больше, они приходили парами и компаниями, над столами потек сигаретный дым, бодрее забегали официанты.

Затем в углу зала на таблетке эстрады возникла тройка «лабухов»* с электроинструментами, выдав для поднятия тонуса гостей пару заводных песен. Они были встречены «на ура!» и далее последовала ламбада, притянувшая к эстраде несколько молодых пар, заколыхавшихся в бодром танце.

– Хорошо сидим! – проорал сквозь гром эстрады самый старший из Серегиных друзей, Юрка Шабельник, в очередной раз наполняя бокалы.

А примерно через час, когда музыканты сделали перерыв, в зале появилась еще одна компания из трех вальяжных парней с девицами, броско одетых и самоуверенных.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.